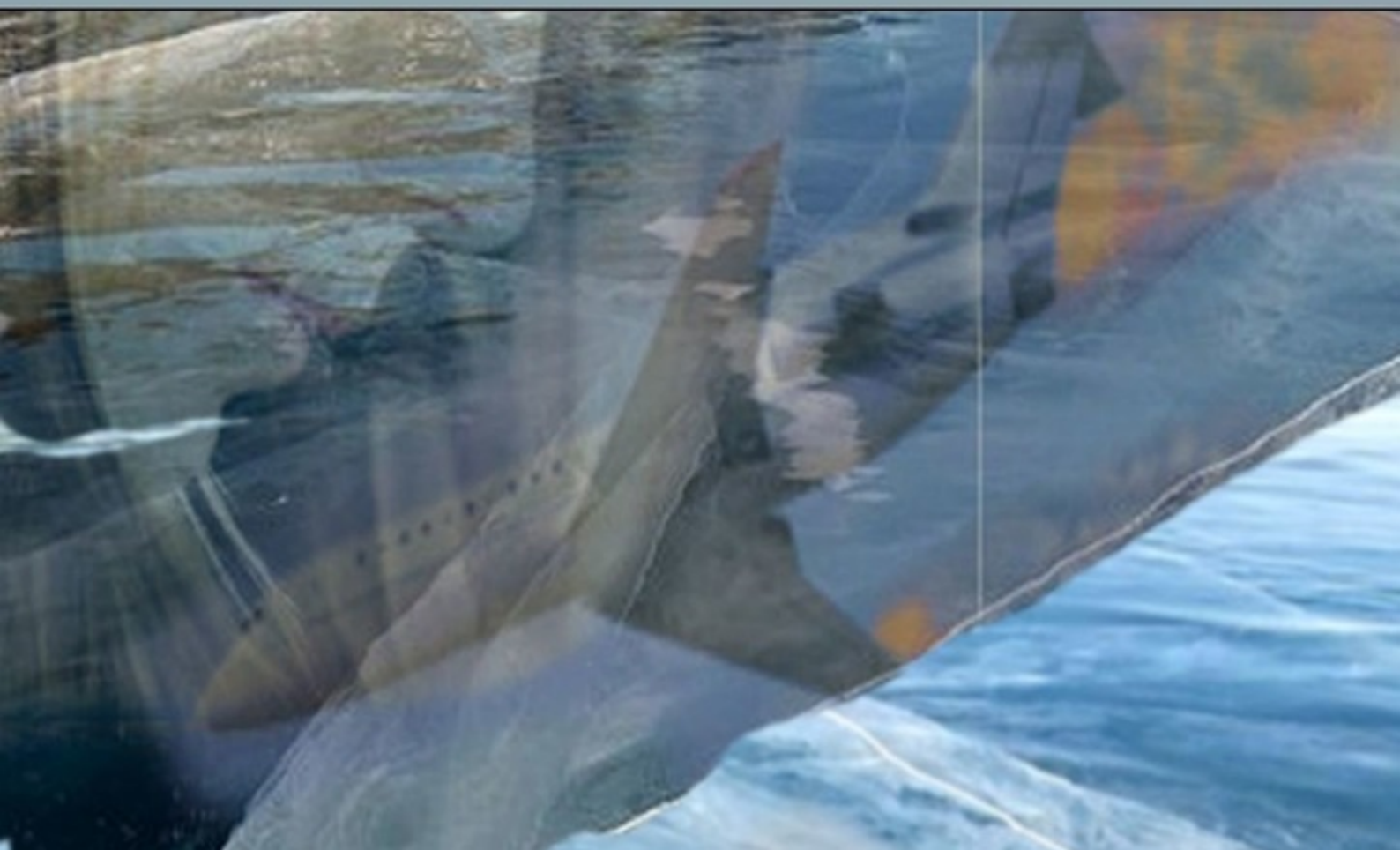

Наталья Романова

Двенадцать записок

Женский детектив

Наталья Романова

**Двенадцать записок.
Женский детектив**

«Издательские решения»

Романова Н.

Двенадцать записок. Женский детектив / Н. Романова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967948-2

Двенадцать записок — кто из нас в детстве не бегал в поисках приключений и таинственных кладов? Как распутать любовный треугольник и избавиться от проклятого артефакта? Лёльке предстоит вспомнить детство и разгадать непростой ребус, составленный самой жизнью.

ISBN 978-5-44-967948-2

© Романова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Двенадцать записок Женский детектив

Наталья Романова

*Всем одноклассникам, а также моей дочери Ольге
посвящается.*

© Наталья Романова, 2019

ISBN 978-5-4496-7948-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Как известно, всё в жизни меняется. Однако, некоторые вещи всё же остаются неизменными. Или просто кажутся нам такими.

Я сидела напротив своего босса, Ильи Петровича Мошкова, который был занят тем, что перелистывал по пятому разу папку с договорами за прошлый год. Занятие на мой взгляд совершенно бесполезное. Лучше бы заглянул в мой отчёт. Я его три дня кропала.

Ильяс, как я привыкла его называть, если рядом не оказывалось сотрудников, выглядел отлично. Аккуратно подстриженный, крепкий от природы, уверенный в себе и сдержанный в критических ситуациях, привлекал многих наших сотрудниц. И только пожалуй я из всего теперешнего окружения помнила его совершенно другим, полноватым и неуверенным в себе подростком, вечно канючившим одно и то же.

В те далёкие школьные годы мы любили погонять по двору в поисках малюсеньких бумажек, в каждой из которых указывалось местонахождение следующей. Игра называлась «двенадцать записок».

Ильяс тогда был сопливым капризным мальчишкой, которого мы никогда не принимали в свою спаянную с раннего возраста компанию. Ильяс не отступался. Однажды даже попытался подкупить Лёху, который руководил нашими затеями во дворе, с помощью какого-то дико дорогого конструктора, привезенного родителями из заграницы. После чего Лёха ещё больше стал задира́ть приставучего мальчишку.

Шли годы, и в старших классах наша троица определилась с ролями окончательно. Лёха и я были не разлей вода. Всё, что затевал тогда мой изобретательный друг, я поддерживала, и принимала участие в любой самой рискованной затее – будь то создание рок-группы, исполняющей современные хиты, или съёмки любительского детективного фильма. Но самым неизменным и любимым занятием, которое мы не бросили, повзрослев, была игра в двенадцать записок.

Лёха умел сочинять записки мастерски. Малышнёй мы носились по двору, отыскивая клочки, спрятанные в разных местах, в которых были изображены лёхиной рукой схемы тайников, щедро сдобренные загадочными словами и символами. И всегда знали – в конце нас ждет Награда. Чаще всего это был кулёк карамели. И за этот кулёк мы готовы были рысить по двору вплоть до самой темноты.

Повзрослев, Лёха добавил в собственный стиль изложения юмор, и мы ждали, когда в почтовом ящике появится маленький запечатанный конвертик с заковыристой надписью, содержащий каждый раз новый неповторимый шедевр лёхиного эпистолярного творчества.

Выглядело это примерно так.

«Други мои! Капитан Пятая Нога сообщает вам, что в окрестностях нашего Гадюкино объявился чужак. Выглядит как последний лох. Что не мешает этому гаду грабить мирных жителей. А посему предлагаю разыскать его тайники, а самого притопить в озере, чтобы иным неповадно было. По полученным сведениям, первый тайник находится в пределах нашего двора и защищён магическим заклинанием с использованием некромантии. Капитан ПН».

Получив такое послание, счастливчик трубил сбор – мчался обходить и обзванивать всю нашу компанию.

Сам Капитан ПН на место сбора приходил первым. Затем мы отправлялись на поиски первой записки к трансформаторной будке, защищённой «некромантским заклинанием» – черепушкой с костями и надписью «Не подходи – убьёт». И там рылись в земле, переворачивали камни и искали щели, в которых могла спрятаться Лёхина записка.

Лёха от нас не отставал и подбадривал ехидными замечаниями. Особенно ему нравилось путать след и язвительно обзывать нас Шерлоками Холмсами из совхоза Красный партизан.

Когда же все двенадцать записок были найдены, бежали искать сам Клад. Кладом обычно оказывалась бутылка красного, а иногда и водки с нехитрой закуской. Иногда там же находился и «лох» – искалеченная, выброшенная за ненадобностью на помойку и подобранная специально для экзекуции, кукла. Которую мы, оприходовав угощение, отправлялись топить. Правда, чаще всего, «лох» получал помилование, и отправлялся в плавание на плоту, сооруженном из подручных средств, например драного башмака, укрепленного на ветках для большей плавучести.

«Клад» обычно съедался и распивался за сараями, расположенными на берегу того же озера. И как нас находил Ильяс, было загадкой. Но он находил. В какой-то момент из-за угла появлялась его растрепанная вихрастая физиономия, и спектакль начинался.

С годами это превратилось в своеобразную игру. Ильяс ловил нас на очередной затее и начинал предлагать любую помощь. Но все было напрасно. Он мог просить, клянчить, хныкать, угрожать. Итог всегда был один, как и фраза – «Нет, Ильяс!»

В младшем возрасте мы его мучили и дразнили из интереса, а в старших классах делали это скорее по привычке. Ильяс тоже с годами свои мольбы научился прикрывать юмором.

Выглядело примерно так.

– Ну возьмите меня с собой. Я вам на вторую бутылку добавлю.

– Нет, Ильяс!

– Ну и спивайтесь сами.

На этом разговор заканчивался.

После окончания школы мы разлетелись в разные стороны. Лёха уехал поступать в летнее училище. Я поступила на экономический факультет нашего университета. А Ильяс уехал в Москву с родителями.

Высочив замуж на третьем курсе, я вскоре поняла, что совершила большую ошибку. Когда развелась, оказалось, что мне уже далеко за двадцать, а я не имею ни жилья, ни семьи, ни работы.

Это был не простой для меня период. С жильем со временем помогли родители. Они умудрились как-то приобрести дом за городом, хотя цены за жильё уже тогда более чем кусались. Оставив мне свою однушку, переселились окончательно в деревню под фатальным названием Горюново. Дорога туда была соответствующей названию, поэтому приезжала я к ним довольно редко.

А вот с работой была настоящая беда. Некоторое время я пыталась работать бухгалтером, но скоро поняла, что лучше встану за прилавок, чем буду вечно дрожать перед налоговой и директором. Первая грозила внезапными проверками и измотанными нервами, а второй постоянно выкручивал руки, требуя минимизации налогов.

И вот, когда я уже готова была сдаться на милость обстоятельствам, случилась та неожиданная встреча.

Помнится, я тогда спешила на очередное собеседование. И вот на одном из оживлённых перекрёстков, рядом со мной внезапно затормозила серая иномарка. Из машины вышел какой-то мужик в затемнённых очках. По виду босс какой-нибудь торговой фирмы. Я хотела обойти машину, перегородившую половину пешеходного перехода, но тут мужик внезапно подхватил меня под руку и воскликнул:

– Лёлька! Сколько ж мы с тобой не виделись! Тебя куда подвезти?

Сказать по правде, узнала я Ильяса не сразу. А вот как он меня узнал, был ещё тот вопрос. Все мои несчастья в тот период, как говорится, были выписаны на лице.

Но Ильяс узнал. А когда я рассказала, куда иду, воскликнул:

– Не ходи! Я эту фирму знаю. Иди лучше работать ко мне.

И с того дня жизнь моя изменилась.

Как оказалось, Ильяс недавно вернулся из Москвы и открыл собственную торговую фирму. Узнав, что я экономист по образованию, пригласил соответствующую должность.

Зарплата приличная, рабочий день восемь часов. Добираться до работы не трудно, несколько остановок на автобусе.

Я довольно быстро погасила набежавшие за время обнищания долги за электричество, газ и воду и зажила наконец нормально. Даже в отпуск в Турцию слетала.

И все казалось бы прекрасно, однако, довольно скоро я поняла, что кое-что в жизни остаётся неизменным.

Вызвав меня в первый же день на ковёр, мой босс устроил некий фарс, уронивший в моих глазах начальство до самого что называется плинтуса.

Начав с полушутливой тирады относительно привлекательной внешности своего нового экономиста, то бишь меня, этот шут выдал следующую фразу:

– В общем, выходи за меня, Лёлька, замуж.

Я скептически хмыкнула и почти не задумываясь, совсем как много лет назад, привычно ответила:

– Нет, Ильс!

Босс согласно кивнул, и как ни в чём ни бывало заговорил о перспективах развития собственного бизнеса...

Вскоре, это стало ритуалом. Каждый раз, вызывая меня к себе в кабинет, Ильяс делал мне предложение, а я произносила неизменное «Нет, Ильяс». Позднее он стал добавлять, что я пожалею.

А потом Ильяс внезапно женился. Я решила, что он остепенится и забудет свои дурацкие подколки, однако этого не произошло. Правда, теперь это звучало иначе.

– Ну что, – иронично вздыхал он, листая мой очередной отчёт, – жалеешь, что не вышла за меня?

На что я тупо произносила привычное «Нет, Ильяс».

Вот и сейчас, я сверлила его глазами поверх очков и терпеливо ждала, когда очередной приступ детства закончится, и Ильяс отпустит теперь уже начальника экономического отдела, то бишь меня, дописывать квартальный отчёт.

Но он медлил, нервно зачёсывая назад пятернёй с ухоженными ногтями, густые тёмные волосы.

Надо признать, что Ильяс был мужиком справным. Всегда спокойный, он редко повышал голос на подчинённых, фирмой руководил грамотно. С партнёрами по бизнесу напивался редко.

Мои подружки иногда о своих начальниках рассказывали такое, что становилось мерзко на душе. И тогда я начинала приглядываться к Ильясу внимательнее, надеясь по старой школьной привычке найти большой некрасивый изъян.

Но других изъянов, кроме его шуточек о женитьбе, не находилось. А Ильяс в такие моменты, словно чувствовал моё повышенное внимание к себе, и радовался как ребёнок. Становился весёлым и шутливо подкалывал.

– Ну что, Лёль, не жалеешь, что не вышла за меня? – и сам себе самодовольно отвечал. – Жалеешь, я знаю.

Шутка казалась плоской, хотя иногда я и ощущала где-то внутри нечто вроде сожаления. Статус шефа давал ему в моих глазах некоторый карт-бланш, но отношения не менял. Может поэтому я смотрела на него, словно на расшалившегося малыша, и пыталась приструнить, строго выговаривая. Вот прямо как сейчас.

– Ильяс, ну хватит уже, а? Если что-то случилось, скажи прямо. Не томи. Мне ещё отчёт тебе писать.

Мой начальник странно хмыкнул и уставился в окно, за которым летели первые снежные мухи. А потом вдруг спросил.

– Ты у Лёхи давно была?

Вот откуда он знал, что я навещаю иногда Лёхину мать после случившегося? Я ему никогда об этом точно не говорила.

– Давно, – невесело вздохнув, ответила я.

– Когда в следующий раз пойдёшь, меня возмёмшь?

– Нет.

– Ну и зря, – последовал его быстрый ответ.

Всё как всегда. И с чего бы я его с собой потащила к пожилой женщине, враз поседевшей от горя?

Я еще долго буду помнить её глаза, когда несчастная мать сообщила мне о пропаже сына.

Потом мы сидели на кухне, пили чай без сахара. Потому что Мария Борисовна напрочь забыла про сахар. И читали письмо, в котором сообщалось, что ее сын, Алексей Пехов, пропал без вести.

В общем, ей и так не легко. Дочка в Австралии, замужем за каким-то торговцем. Совсем одна. Хорошо, что живём в одном подъезде. Можно иногда после работы забежать.

Сон был каким-то вязким и неправильным.

В густых сумерках прямо на меня мчался поезд, настойчиво и непрерывно гудя. Свет от прожектора слепил глаза, и неизбежный конец приближался со страшной скоростью...

Внезапно очнувшись, поняла, что разбудил меня надрывающийся сотовый.

Приоткрыв один глаз, определила время суток – глубокая ночь.

«Не буду отвечать», – подумала я, но тело уже просыпалось, а ноги нашаривали в темноте тапочки.

– Алло.

– Лёлька, вставай! – восторженный мужской голос, судя по интонации, принадлежал хорошо накачанному Ильяс.

– В чём дело? Наша фирма взлетела на воздух? – сонно пробормотала я, шлепая в сторону туалета.

– Не угадала. Ты, Лёль, всегда была слишком прямолинейной. Поэтому и загадки в отличие от Лёхи сочиняла плохо.

Возражать я не стала, обломается. С ним только начни спорить, и не остановишь. Приколист.

– Ильяс, не мог бы ты отложить этот разговор на более удобное время? – пробурчала я, покачиваясь и гася желание привалиться к ближайшей стенке.

Вожделенная дверь была перед носом, но совмещать разговор по мобильнику с интимными вещами я не собиралась, поэтому усилием воли заставила себя поменять направление и пошаркала на кухню.

– Не могу, – весело прилетело в ответ. – Потому что рядом со мной сидят мои и кстати твои одноклассники и очень надеются тебя увидеть. Танюху Сомову помнишь? А Лёвку Попова?

– Да. Помню, – ответила я, открывая холодильник и одновременно задавая себе мысленно вопрос о том, зачем я это делаю.

– Ну хватит спать! – не унимался Ильяс. – Просыпайся! Давай к нам приезжай.

Ну вот ещё. Придумал. Потянув пояс халата, запутавшийся на спине, вывернула карман, из которого выпали очки. Ну что за...

– Ильяс, давай завтра, а? Вечерком. Я так устала. Не представляешь. С утра ещё один отчёт тебе строчить.

– Да ладно тебе! Как твой непосредственный начальник, даю тебе на завтра отгул. Только подумай. Когда ещё ты сможешь увидеться с одноклассниками?

Подумалось, что встреча с одноклассниками среди ночи мне точно ни здоровья, ни настроения не добавит.

– Ильяс, ну на чём я поеду? Сам подумай.

– Да не проблема, Лёль! А хочешь, мы сейчас сами к тебе приедем?

Я поняла, что спать мне всё равно не дадут и ухватилась за турку.

– Скажи хоть, сколько времени, узурпатор? – я ещё пыталась оттянуть неизбежное.

– Где-то около двенадцати. Время детское!

Ничего себе, детское... В голове шёл лихорадочный поиск формулировки максимально вежливого отказа. Но руки уже включали электрический чайник, а губы произносили:

– Ну давайте, приезжайте. Только учтите. На гостей я не рассчитывала. Так что лучше будет, если заскочите по пути в магазин.

– Без проблем! – отрикошетил мой неугомонный босс и дал отбой.

Где-то через час мы сидели тесной компанией на моей малогабаритной кухне в состоянии бедро к бедру, утопая в сигаретном дыму. Ильяс не курил, да и я тоже. Однако, и Татьяна и Лёвчик, которого почему-то никак не получалось назвать по-взрослому Львом, чадили и чадили, вспоминая давние школьные.

Попытка выпроводить убийцев в коридор не увенчалась успехом.

– Да ладно, Лёль, – сказал Ильяс. – Пока они там общаются, мы половину тем пропустим. Давно ж не виделись.

Я молча согласилась, потому что оставаться наедине и выслушивать очередные подколки Ильяса мне тоже не улыбалось.

Я сидела между Ильясом и Лёвчиком, кутаясь в шаль, и удивлялась, сколько помнят мои одноклассники. Я к своему стыду вот даже имён преподавателей припомнить не могла.

Ильяс, как всегда, не умолкал. Слушая его нехитрые каламбуры, я понимала, что останься мы сейчас втроём без него, нам просто не о чем будет поговорить, и кампания развалится.

Ильяс давно меня перестал удивлять переменами в характере. Это впервые встретившись с ним через много лет, я была поражена, как он изменился. Я помнила его немногословным и медлительным крепышом, вечно канючившим и пристававшим к нам. Теперь этот живчик демонстрировал просто неуёмную энергию. Словно закончил не Московский вуз экономического направления, а ВГИК.

Впрочем, помнится, когда-то Ильяс сумел меня удивить, и удивить весьма неприятно. Я не думала, что когда-нибудь его прощу за это. Однако, за давностью лет, события стёрлись из памяти, а обида забылась. Или все-таки нет? Может быть поэтому я отношусь к нему так предвзято?

Это ж сколько лет прошло? Восемь? Нет, больше. Неужели мне уже... Мысль неприятно кольнула, отозвавшись в лопатках ноющей болью. И я её привычно загнала в один из самых дальних закоулков памяти. Прислушиваясь к разговору, состоявшему из вопросов и комментариев Ильяса, а также кратких немногословных ответов всех остальных, я машинально дожёвывала кусок ветчины.

И тут Лёвчик вдруг спросил:

– А помните, как мы в двенадцать записок играли? Лёха нам тогда такие головоломки придумывал. Я всё потом пытался вспомнить хоть что-то из его шедевров. Так и не смог. Кстати, как он?

Повисла тишина, которую нарушил Ильяс.

– Лёха пропал без вести.

Лёвчик на несколько минут завис, а потом понимающе кивнул. А Ильяс предложил тост за отсутствующих.

Мясная нарезка и ветчина, принесённые гостями, быстро закончилась, и пришлось доставать личные запасы из рыбных консервов.

Конечно, можно было что-нибудь испечь. Но я решила, что ночью печь точно ничего не стану. Даже для бывших одноклассников.

Лёвчик прикурил новую сигарету и заботливо подвинул пепельницу ближе к Татьяне.

Помнится, они оба когда-то рысили вместе с нами по двору в поисках приключений. А в старших классах даже встречались. Теперь оба повзрослели, наверняка обзавелись семьями. Однако, внутреннее чутьё мне подсказывало, что не просто эти двое высиживают у меня на кухне. Чувствовалось между ними напряжение, грозившее перерасти в новую стадию отношений.

Я невольно покосилась на руку Татьяны – эта точно замужем. Лёвчик тоже нервно покручивал тоненькое колечко на безымянном пальце правой руки. Значит, оба не счастливы в браке? А может в кризисе. Что ж, бывает. Впрочем, это не моё дело. В конце концов сами разберутся.

Лёвчик вдруг спросил:

– Лёль, ты сама-то как? Смотрю, одна, – и он красноречиво посмотрел на мои пальцы без опознавательных знаков. – Не замужем?

Мне не хотелось говорить о личном при Ильясе, и я попыталась поскорее свернуть неприятную тему.

– Да всё как у всех, Лёвчик. Замужем была. Не понравилось.

Предсказуемо встрял Ильяс.

– И мне отказала.

Я проворчала в ответ.

– Не жалуйся. Жена у тебя отличная. Вон даже по ночам отпускает с одноклассниками водку кушать.

Ильяс посмотрел на меня как-то странно. Словно я ему сделала больно. Ощувив внезапный порыв, я вышла в прихожую, пробормотав, что необходимо попудрить носик, а заодно и мозги.

Там на меня накатило. Может быть это просто был алкоголь. А может быть выдернутые из памяти воспоминания. Но мне вдруг нестерпимо захотелось плакать.

Почему-то очень ярко вспомнилась давняя обида на Ильяса. Ведь если бы он тогда на выпускном не принялся меня лапать на глазах у Лёхи, всё могло сложиться по-другому. Придурок.

А Лёха потом уехал, не попрощавшись.

Слёзы кончились быстро. Жизнь продолжается, и пора возвращаться к гостям. А то что-то там тихо стало.

Когда я вернулась, все смотрели куда угодно, но не мне в глаза. Так, понятно. Обсудили. Лёвчик явно решил изменить тему и спросил:

– А помнишь, как ты заставляла нас репетировать?

Это было хорошее воспоминание. Наша супер-пупер-рок-группа готовилась к конкурсу. Даже были сочинены две собственных композиции. Но возникла проблема дисциплинарного характера. Ребята, собравшись для репетиции в актовом зале, ставили аппаратуру, настраивали

её, а потом начинали дурачиться. Мы никак не могли начать репетировать. Будучи солисткой, я терпела беспредел до тех пор, пока не поняла – не возьму власть в руки, песен не будет.

И вот, взяв в руки микрофон, я рывкнула:

– Так, а ну-ка собрались!

Стало тихо, а потом Лёха взял первый аккорд.

С тех пор, я начала на своих музыкантов немного покрикивать. А после того, как стало ясно, что Лёха против моего руководства ничего не имеет, я взяла процесс окончательно под личный контроль. Помню, какой кайф я испытала, когда поняла, что мы с Лёхой отныне на равных.

Да... это было хорошее воспоминание.

Время шло незаметно. За окном брезжил рассвет, Мы с Танюхой нещадно зевали, а момент, когда в любой компании заканчиваются темы для разговоров, всё не наступал.

Наконец, и Ильяс устал фонтанировать. Глядя на меня, тоже зевнул и сказал:

– Всё, пора по домам. Иначе мой экономист и завтра на работу не выйдет.

Прошло несколько дней. За окном уже летали снежные мухи, но зима всё не наступала. Снег падал на землю и тут же мгновенно превращался в грязь. Рано темнело, и это особенно угнетало и грозило очередной депрессией.

Наша недавняя встреча с одноклассниками всё не шла у меня из головы, воскрешая вновь и вновь воспоминания из далекого детства.

Ещё Ильяс, подписывая отчёты, подливал масла в огонь своими шуточками.

– Ольга Михайловна, вы опять со своими бумажками? Может быть просто напишете мне парочку записочек? Можно даже с поправкой на возраст. Про любовь.

Шут.

На работе отвлекали дела, а вот дома... Дома воспоминания наваливались, грозя бессонными ночами. И самое печальное во всём этом было то, что пропавший без вести Лёха никак не шёл из головы.

Глядя в зеркало перед сном или выходом на работу, я внимательно присматривалась к отражению. С той стороны из зазеркалья на меня настороженно смотрела темноволосая, ещё довольно молодая, но немного уставшая женщина. С неплохой фигурой и аккуратной, не слишком короткой, пышной причёской. Ноги... да нормальные ноги, довольно стройные. В общем всё вроде при мне, но... что-то было не так. Вроде раньше смотрелась и всё устраивало. А сейчас не нравится. Ну не нравится мне эта уставшая от однообразной и одинокой жизни дама, и всё.

Нашлась вдруг сломанная заколка для волос, которую я по идее давно должна была выбросить. Однако, хранила. Потому что заколку подарил Лёха на какое-то уже не помню восьмое марта.

Вертя в руках безделушку, я даже принялась, пытаюсь уловить что-то знакомое из того самого прошлого, но ощутила лишь сожаление – заколка пахла лишь старой ненужной вещью, которую давно следовало просто выбросить в мусорное ведро.

Я понимала, что скорее всего всё это лишь предвестники очередной депрессии, которая приходила ко мне каждую осень и отступала лишь с приходом новогодних праздников. Но сейчас почему-то всё было несколько иначе. Может это интуиция подавала сигналы, но в груди росла тревога, и одновременно какое-то совершенно дикое желание перемен.

Переживая по-новому события прошлого, я словно писала судьбу заново. Рождая новые фантомы и события, которых никогда в моей жизни не происходило. Но я с этим ничего не могла поделать. Пересматривая в воображении давние сцены из жизни, я видела сейчас всё по-другому. С высоты прожитых лет. Наверное пришло время переоценки ценностей, не иначе.

Умом я прекрасно понимала, что в юности максимализм многие вещи заставлял видеть под углом слишком большим, чтобы я строила свою жизнь с оглядкой на существующие обстоятельства. Кто гнал меня в нелюбимый институт? Кто пихал замуж за в общем-то уже тогда запойного алкаша? Никто.

Осознав это, я поняла ещё одну важную вещь. И сейчас мне никто не мешает устраивать личную жизнь, как я того хочу. Ведь у меня перед глазами был пример родителей, которые преодолели много кризисов, но остались вместе. Но тогда почему я сторонюсь всех мало мальски перспективных мужчин? Почему не хожу на свидания и не стремлюсь выйти замуж?

Неужели я всё это время ждала Лёху? Ждала нашей встречи, понимая, что этого никогда не произойдёт? Потому что с другого края нашей необъятной Родины в центральную часть приехать ой как непросто. Не говоря уже о том, что Лёхи, возможно уже и в живых-то нет. На этой мысли обычно у меня из глаз начинали течь потоки слёз.

Я себя ругала за слёзы и уговаривала успокоиться. Ведь возможно, мой друг детства жив. Улыбалась зеркалу и шептала.

– Вернись, Лёлька, на землю. Хватит фантазировать.

Но в голове продолжался кавардак, и ложась спать, я снова плыла по волнам памяти.

Мне представлялся старый парк с дорожками, укрытыми жёлтой листвой. И одинокая фигура, идущая мне навстречу. Вот я приглядываюсь и узнаю вечно посмеивающиеся серо-зелёные глаза. Мы оба удивлены и обрадованы. Садимся на лавочку и начинаем вспоминать прошлое...

Иногда после таких снов в душе оставалось сладкое послевкусие и хотелось думать о хорошем.

Что, если всё-таки произойдёт чудо, и Лёха вернётся?

Но чаще было наоборот. Утро встречало некоторым позитивом. А в голове хихикала я – умная. А не дура ли ты, Лёлька? Столько лет прошло. Даже если твои предчувствия тебя не обманут, и Лёха вернётся, что ты получишь? Наверняка окажется, что он женат. Даже если вы встретитесь, он всё равно уедет. И что ты будешь делать? Вернёшься в свою малогабаритную однушку тосковать? А на работе будешь продолжать терпеть глупые подколки Ильяса?

За окном всё кружились лёгкие снежинки и таяли, упав на не успевшую до конца остыть землю. Близился конец ноября, а зима никак не приходила, дразня кратковременной метелью. Уже не терпелось всё забыть и окунуться в предновогодние хлопоты.

Близился годовой отчёт, и это означало, что грядут сверхурочные. В кои-то веки меня это радовало. Считая цифры, я неплохо отвлекалась от мрачных мыслей.

Очередная пятница обещала пару грустных выходных. Сотрудники собирались покинуть офис пораньше. Да и я уже переобулась в сапоги, когда секретарша сообщила, что меня вызывает босс.

Ильяс выглядел уставшим.

– И что ж вы, Ольга Михайловна, скрыли от меня такие важные факты? – кивнув мне на стул для сотрудников, язвительно произнёс босс. – Можно сказать, у нас под боком, такие люди работают. А мы не в курсе.

– Какие такие? – удивилась я.

– Ну как же, – возмущённо потряхивая в воздухе бумажкой формата А4, воскликнул Ильяс. – Вот, официальный запрос получил. Новые партнёры желают видеть на заключении договора именно вас.

Я даже не сразу осознала, о чём он.

– Ильяс, брось паясничать, а? Объясни нормально, что за запрос. Можешь даже дать почитать.

Ильяс протянул мне лист с гербовой печатью, к которому был пришпилен цветастый конверт с множеством разноцветных марок.

Повертев в руках бумажку так и сяк, я, наконец, почти поверила – в запросе действительно стояла моя фамилия.

– Может, всё-таки ошибка? Ты с ними не связывался?

– Связывался. Говорят, никакой ошибки. Тебя хотят и всё. Без объяснений. Я думал, ты мне скажешь.

Я ещё раз вчиталась в текст запроса.

– Понятия не имею. Ни одной знакомой фамилии.

– Ладно, – кивнул босс, забирая у меня странный документ. – Иди, собирайся в командировку.

– Куда? – удивилась я, лихорадочно соображая, где найти причину, чтобы отказаться.

– На Дальний Восток. Вылет послезавтра, – ошарашил меня Ильяс.

Челюсть моя отпала, и я вытаращила глаза, не в силах произнести слова в ответ.

По насупленному виду босса я поняла, что отвертеться не получится. Выходя из кабинета, вспомнила и сопоставила две важные вещи. Фирма, пославшая официальный запрос, территориально находится на Дальнем Востоке, и именно там разбился Лёхин самолёт.

И ещё. Дата на письме была недельной давности. И это могло означать лишь одно. Ильяс получил письмо до нашей встречи с одноклассниками. Значит он её организовал не просто так.

Хотел поговорить о Лёхе в неофициальной обстановке? Вот ведь хитрюга какой.

Собирая чемодан, я перебирала в памяти вновь и вновь всё, что могло меня когда-либо связывать с Дальним Востоком, кроме Лёхи. И ничего не вспоминалось. Ни родственников, не событий.

Ехать жутко не хотелось. Если в предыдущие дни я ожидала перемен, то теперь в моей голове рождались лишь самые неприятные сценарии. Пытаясь отвлечься, я злилась на Ильяса. Я не любила дальних переездов. Как только представляла себе, сколько мне предстоит лететь над тайгой, становилось плохо.

Ну, Ильяс. Неужели не мог настоять на замене? Ехал бы сам – ворчала и тут же понимала – не мог. Иначе бы не тратился на командировочные своего, пусть и главного, но всего лишь экономиста.

Закончив собирать вещи, я с тоской посмотрела на конверт с авиабилетами туда и обратно. Хорошо, что кошку завести не успела. А ведь собиралась.

Заказала такси. Оделась в дорожный брючный костюм из немнущейся ткани цвета какао с молоком. И села ждать.

Вскоре раздался ответный звонок, и меня оповестили, что карета подана.

Ну что ж, с богом.

Спускаясь с лестницы мимо почтового ящика, я заметила край белого листа и досадливо поморщилась. Но решила взглянуть. Потому как уезжаю надолго. Вдруг что-то важное.

Это было извещение с почты.

Странно. Я вроде ничего не заказывала. Может подождёт посылка две недели. Назад не отошлют, надеюсь.

Уже выходя из подъезда, посмотрела на ожидавшее такси, а также в сторону почты – благо та находилась в нашем доме с угла. И решила пойти и забрать.

На почте мне выдали небольшую коробочку. На адрес я не взглянула. Решила, потом разберусь. Запихала посылку в чемодан, и тут же про неё забыла.

Аэропорт встретил многолюдной суетой. Сразу же последовал первый неприятный сюрприз. Радостным голосом дикторша объявила:

– Уважаемые пассажиры, из-за непогоды рейсы, – далее следовало перечисление номеров, среди которых оказался и означенный на моем билете, – откладываются. Следите за нашими объявлениями.

Потом пассажирам предлагалось пойти посидеть, поесть, поспать, выпить... В общем, пойти подальше, пока небесная канцелярия не разрешит летать дальше.

Мне с трудом удалось отыскать сидячее место, и следующие четыре часа я наблюдала сквозь прозрачные стены, как штормовой ветер наносит первые сугробы.

Наконец, ветер утих, и объявили посадку. Я уже мечтала, чтобы сосед мой оказался милым молчаливым старичком. Хотелось наплевать на приличия, скинуть сапоги и постараться заснуть.

С детства не могла обходиться без девяти-десяти часов полноценного ночного отдыха. Папа бывало шутил:

– Тебя, Лёлька, сном пытать можно. Все тайны выдашь.

Возможно, он был прав.

Пройдя через все предпосадочные испытания, я, наконец, добралась до места. Босс не поспешил на бизнес-класс, и я предвкушала вожаемые часы относительного комфорта.

Однако, глянув на соседа, поняла, что мечтам моим пришёл конец.

В кресле как ни в чём не бывало сидел Ильяс и улыбался мне белозубо-ослепительно, словно актёр Голливуда с афиши блокбастера.

– Привет, Лель! Ты что-то припозднилась.

Я молча уселась в соседнее кресло и демонстративно сбросила сапоги. О... вот это настоящее блаженство.

Почувствовав, наконец, облегчение, я решила спросить.

– Ильяс, и зачем ты меня послал в эту чёртову командировку? Ведь всё равно сам летишь.

Скосив на меня строгий серый глаз, босс ответил:

– Я лечу не официально. В частном порядке. Считаю, что я сам себя назначил твоей личной охраной. Гордись.

– Ага, – скривилась я. – Заливай больше. Небось тебя срочно потянуло в отпуск, половить в водах Байкала рыбку.

– Рыбка тоже в моих планах присутствует. Однако, дело главное. Должен же я присмотреть за неопытным сотрудником.

Я покосилась в сторону опытного босса и хмыкнула.

– Ильяс, поимей совесть. Этот неопытный сотрудник тебе экономит на должности юриста.

– Ну да, – хмыкнул он, – и переговоры ты тоже с партнёрами проводишь самостоятельно, без меня.

Пришлось заткнуться. Аргумент прозвучал убедительно.

К Хабаровску подлетали, в полдень. С высоты город меня не впечатлил. Край берега с длинной косой, уходящей в океан, совершенно не радовал глаз и выглядел как обычная промзона.

Пройдя все послеполётные процедуры, мы вышли в зал ожидания, где предполагали встретиться с представителем пригласившей стороны.

В толпе действительно обнаружился довольно молодой, крепкий и хорошо одетый мужчина с табличкой, на которой красовалось название нашей фирмы.

Мужчина подозрительно посмотрел на стоявшего рядом со мной Ильяса, а потом представился:

– Михаил Родин, ваш сопровождающий. Добро пожаловать на Дальний Восток, господа. Я отвезу вас в гостиницу, а завтра утром поедem в офис подписывать договор.

Михаил Родин явно имел корни в одном из народов севера. Об этом говорили слегка раскосые глаза, широкое лицо, острые скулы и коренастая фигура. Правда, рост у парня был отличный для обычно малорослых аборигенов. Ильяс, тоже не маленький, проигрывал Михаилу несколько сантиметров точно.

Я ещё никак не могла очнуться от транса, в котором пребывала почти всё время, пока самолёт пересекал просторы нашей бескрайней Родины. Поэтому тело двигалось исключительно на автомате. Но после слов Михаила заставила себя проснуться и вспомнить, что я тут как бы представитель серьёзной торговой фирмы.

– Отлично. А гостиница далеко?

– Не очень. Минут пятнадцать. Мы вас в частную определим. Владелец – наш партнёр по бизнесу. Дорого не возьмёт.

– Очень хорошо.

Я покосилась на Ильяса. Тот хмуро молчал, предоставив мне исполнять порученную роль.

– Познакомьтесь с моим сопровождающим – Илья Пехов.

О том, что надо как-то узнать, связаны ли наши партнёры с Лёхой, мы с Ильясом договорились перед самой посадкой самолёта. На предложение использовать Лёхину фамилию я в начале ответила решительным протестом. Однако, потом согласилась. Что-то в этом решительно было. Тем более что других вариантов не придумывалось никак.

И сейчас, уловив едва заметную реакцию Михаила, дрогнувшее веко, решила, что Ильяс оказался прав. Как-то наш вояж связан с Лёхой.

Город встретил снежной метелью и дорожными заносами.

Гостиница, к которой с трудом подобрался внедорожник Михаила, располагалась в пятиэтажном здании из красного кирпича. Площадку перед гостиницей тщательно вычищал небольшой снегоуборочный комбайн, совершенно игнорируя подъездные пути с шоссе. Из-за этого мужчинам пришлось поработать саперными лопатками, которые Михаил видимо хранил в багажнике специально для такого случая.

Оформление фасада гостиницы пестрело необычной красно-зелёной лепниной, напоминающей китайскую атрибутику. Здание было явно построено в сталинские времена, но из-за этой лепнины выглядело несколько чужим. Может быть из-за заковыристой формы фронтонов, похожих одновременно на крышу русского терема и китайско-японские пагоды? Словно какой-нибудь японский архитектор решил использовать в оформлении здания русский стиль так, как его понимала его японская душа.

На ресепшен шустрая блондинка обстреляла Ильяса быстрыми карими глазами, и вручила нам ключи от номеров на втором этаже.

Номер мне понравился. Над двуспальной кроватью висела большая черно-белая фотография с огромным цветком орхидеи. Бордовые тона портьер и покрывала с общей обстановкой, состоящей из кровати, пары кресел, журнального столика и тумбы-бара под навесным зеркалом, неплохо гармонировали. Что ж, чисто и довольно уютно.

Порадовало наличие небольшого плазменного телевизора, висевшего на противоположной стене.

Я сбросила пальто, проверила, заперта ли дверь, разделась до белья и пошла отмокать в ванной. Порадовалась, что в местный сервис входит пакетик с морской солью.

Погрузившись в горячую ароматную воду, я испытала истинное наслаждение, и вскоре обрела абсолютный покой. Всё. Меня нет, я ушла искать нирвану.

Однако, блаженствовать мне пришлось недолго. В дверь номера кто-то настойчиво ломился. Стук я видимо расслышала не сразу – Ильяс кричал довольно громко.

– Ольга Михайловна, вы там живы?

Я наскоро вытерлась, накрутила на голову тюрбан из полотенца, укуталась в белоснежный гостиничный халат и пошла открывать.

– Ну что такое, Ильяс? Мне уже и ванну принять нельзя?

Начальник выглядел хмурил брови и имел деловой вид, не смотря на дорогой спортивный костюм с претензией на домашнюю простоту.

– А отозваться раньше не могла?

– Ага. Я сижу и жду, когда босс придёт проверить, как я выгляжу в банном халате.

– Не ёрничай. У тебя в баре коньяк есть?

– Есть. А у тебя что, нет?

– Есть. Только стресс я получил в твоём номере. Поэтому и пить буду здесь.

Его логика мне не понравилась. Кривая какая-то логика.

– Вообще-то вечернее время принадлежит мне. Я не на работе.

– Ты в командировке, – возразил мой босс. – Поэтому на работе всегда.

Всё понятно. Спорить бесполезно. И я плюнула на официоз и принялась вытирать волосы, стащив с головы полотенце.

Ильяс по-хозяйски прошёлся по номеру, остановив внимание на брошенном поверх покрывала дорожном костюме, хмыкнул, и направился в сторону бара. Там нашёл бутылку армянского пятизвёздочного коньяка и универсальные пузатые фужеры, которые годились в командировочных условиях как для коньяка, так и для прочих вин любой градусности.

Я расчёсывала волосы и наблюдала за тем, как коньяк покрывает дно фужера, радуя глаз коньячными маслами и глубоким янтарным цветом. Волосы было жаль. Следовало сначала их немного подсушить, а затем расчесывать. Однако, остатки самоуважения требовали хоть в чём-то достичь минимальных приличий и привести себя в порядок, на сколько позволяли обстоятельства.

– Будешь? – спросил Ильяс, удобно устраиваясь в кресле со своим фужером. Наверное надеялся, что откажусь.

Я повздыхав, пошла искать остатки дорожных бутербродов, сетуя про себя на невоспитанность некоторых особей мужского полу.

– А ты как думал? – проворчала я, наливая себе коньяк во второй фужер. – Что я, за тебя одного платить должна?

На что получила очередную ехидную усмешку.

– Не переживай, Лёлька. Вернёмся, я тебе премиальные выпишу.

Коньяк был великолепен. И лимончик из домашних запасов, захваченных в дорогу, пришёлся кстати.

Хрупая свежим огурцом, прикупленным мною в буфете аэропорта перед полётом, размягший босс откинулся в кресле и сказал:

– Я вообще-то по делу. Хотел тебе на завтра инструкции дать.

Я с тоской посмотрела на собственное отражение в зеркале напротив. Даме в зеркале следовало как минимум выспаться.

– Давай уже свои инструкции. Раньше начнём, раньше закончим.

В общем, дальше я выслушала инструктаж о том, как следует себя вести в деловой обстановке – лишнего не говорить, провокационных вопросов не задавать, внимательно прочитать договор и, если текст соответствует ранним договорённостям, предъявив доверенность, поставить под ним подпись. В случае возникновения форсмажорных обстоятельств, полагалось инициативы не проявлять и не медля связаться с руководством.

Последний пункт позабавил. Потому как руководство должно было находиться в этот момент в соседнем кресле.

Я ёрничать не стала, покивала с умным видом головой, и попросила, если уж коньяк так сильно понравился, отправиться вместе с бутылкой восвояси. То бишь, баиньки. На что мне тут же возразили.

– Вот почему ты такая вредная, Лёлька, а? Я к тебе, можно сказать, со всей душой, а ты?

– А я к тебе со всем пониманием, как видишь. Даже коньяк презентую. Что тебе ещё надо?

Ильяс вдруг стал серьёзным.

– Ты знаешь.

Я не сразу поняла смысл сказанного. Рука Ильяса коснулась моей щеки и в этот момент я дёрнулась – ступор прошёл.

Ильяс резко развернулся, подхватил бутылку и направился на выход, бросив за спину.

– Утром не просп.

Я повернула ключ в двери и медленно направилась к кровати. Присев на край, задумалась.

Ну и что это сейчас было?

Я никогда не принимала предложения руки и сердца от Ильяса всерьёз. Даже когда он лапал меня на выпускном, зная, что Лёха смотрит на нас, я точно была уверена – он просто задирает Лёху, провоцируя его на ссору.

И что же теперь получается? Значит, всё это время Ильяс не шутил?

Ну нет. Не может такого быть. Просто очередная провокация. Или... Или Ильяс что-то знает, чего не знаю я, и это его очередной ход конём?

Засыпала я с самыми твёрдыми намерениями – прижать обнаглевшего в конец босса к стенке и допросить с пристрастием.

Однако, заснуть мне не дали. В дверь снова постучали. Тихо.

Первой мыслью было – убью и во дворе прикопаю!

Распахнув дверь, я уставилась в пустоту коридора. Выглянув, тоже никого не увидела. А под ногами заметила небольшой конверт.

Внутри оказался сертификат на одноразовое посещение спа-салона.

Изверг. Ещё и подлизывается.

Бросив конверт на стол под зеркалом, я отправилась в кровать. Больше меня никто не беспокоил, и я наконец провалилась в сон.

Утром, едва успела умыться и выпить кофе, порадовавшись наличию электрического чайника в номере, пожаловал начальник, свежевыбритый и трезвый. При полном параде. Густые, хорошо уложенные волосы, свежевыбритые лоснящиеся после крема мужественные скулы, блеск выразительных миндалевидных серых глаз под ломаной линией бровей – красавец, в общем у меня босс, ничего не скажешь.

– Ну как спалось? – бодро воскликнул он, бесцеремонно вламываясь в мой номер.

Я машинально прошла взглядом повсюду, отмечая, что ничего провокационного из личных вещей на виду не оставила.

– Нормально, – пробурчала в ответ. – Вот только ваш вчерашний поступок, Илья Петрович, никакими подарками не оправдать.

– Ты о чём? – обернулся он, сверля меня взглядом добермана, готового взять след.

– Вот об этом, – и я помахала конвертом перед носом Ильяса.

Тот фыркнул.

– Что это?

– Вот только не надо этого, ладно? Разве не ты мне подкинул вчера под дверь эту взятку? Ильяс ловко вырвал у меня из рук конверт и вскрыл. Я потянулась за листком, громко выражая протест.

– Э, аллэ! Если ты к этому никакого отношения не имеешь, отдай немедленно чужую собственность.

Ильяс от меня отмахнулся и, плюхнувшись в кресло, углубился в изучение сертификата.

– Хм, ты ничего странного не заметила?

– Нет, а что?

– На адрес посмотри внимательно.

Я взяла карточку, приложенную к посланию, и прочитала вслух.

– Улица Павла Морозова, дом сто тринадцать.

– Ага. И квартира на двенадцатом этаже. Тебе это странным не кажется?

– Спа-салон на дому? Ну и что? Письмо вроде официальное, с печатью. Приглашаем тысячного гостя, заселившегося в нашу гостиницу... Так, кажется?

Ильяс поднялся.

– Ладно, пошли уже. Наверное тот тип в вестибюле устал ждать. Вечером в твой спа-салон заглянем.

Идя по лестнице за боссом, я ворчала, что неплохо было бы позавтракать перед началом рабочего дня. На что Ильяс ответил, не разворачиваясь, что голодного работника ноги кормят. Я знала, что он шутит. Вот только мой желудок этой шутки понимать не желал.

Спустившись в вестибюль, мы сразу же наткнулись на Михаила, который беседовал с девушкой на ресепшен. Судя по милой улыбке блондинки и выписывающей фривольные вензеля ноге парня, разговор имел сугубо личный характер.

На последних шагах я обогнала своего «сопровождающего».

– Доброе утро, Михаил.

Нога замерла в воздухе и опустилась. Уже через секунду её владелец широко и мило улыбнулся нам.

– Доброе. Как спалось на новом месте?

– Прекрасно, – растеклась я патокой. – Спасибо, номер отличный. Ну что, можем ехать? Михаил замялся.

– Петр Львович просил извинить его. Срочные дела с утра. Так что мы можем до обеда погулять. Я вам город покажу.

Мы переглянулись с Ильясом, и тот чуть заметно кивнул.

– Ну что ж, тогда может мы позавтракаем?

Ильяс закатил глаза, а Михаил обрадовался.

– Конечно. Здесь при гостинице отличный ресторанчик «Сейшел».

Ресторан оказался действительно неплохим. И даже идти никуда не пришлось. Сразу за ресепшен в коридорчике нас встретили первые приятные запахи свежеприготовленных блюд.

Хозяин ресторана был явным поклонником тропической экзотики. Вместо освещения в зале использовались подсветки в аквариумах и террариумах, встроенных в стены. Каждому столу в длинном узком зале полагался свой кусочек экзотики. Слава богу, владельцу хватило ума не заводить змей и пауков. Согласно с теми, кто скажет, что среди них встречаются потрясающие по красоте экземпляры. Но я против. Да простит меня гринпис.

Мы расположились за столом возле двух рыбок, расчерченных на оранжевые и белые полосы. В самом уголке нашлась надпись – Рыба-клоун. Парочка явно находилась в игривом настроении. Одна особь гоняла другую, взметая пузырьки воздуха и песок со дна. Вероятно, такая активность должна была по замыслу владельца возбуждать аппетит у посетителей.

Не знаю, как бы я отнеслась к этому, будь сыта. Впрочем, моя реакция, это моя реакция. А вот другим может и нравится. Во всяком случае, глядя на то, как медитирует на аквариум мой босс, я была уже благодарна хозяину за такую помощь в деле укрощения некоторых сверхактивных и раздражительных начальников.

Вскоре к нам подошла юная девчушка с косичками в забавном передничке с рюшами. Помня рекомендации Михаила, я решила попробовать что-то домашнее и заказала обычную пшённую кашу.

Ильяс, глядя на резвящихся рыб, тихо ворчал.

– Ну вот, вся диета коту под хвост. Хотел поголодать, а приходится заправляться с утра пораньше.

Я фыркнула.

– Закажи просто кофе или как я, кашу. Питательно и не тяжело для пищеварения.

– Ну нет, уж если есть так есть.

Я махнула рукой.

– Заказывай что хочешь.

За время нашей совместной работы я уже привыкла к ворчанию Ильяса, зная, что с ним лучше в такие минуты во всем соглашаться.

Пока я уплетала кашу, которую тут готовили замечательно и действительно по-домашнему, Ильяс молча смотрел в аквариум. Его антрекот с картошкой фри жарился дольше.

После сытного завтрака и дальневосточная зима не казалась такой ужасной, хотя и увивалась метелью, путая мысли и пытаясь убедить, что всё происходит не на самом деле, а в каком-то давно забытом феврале. Когда мы, дети, радовались отмене уроков и сидели по домам, сочиняя собственные сказки.

Мы с Лёхой жили по соседству. Он на третьем, а я на втором этаже. Видимо, это и решило в пользу нашей дружбы. В первый класс мы пошли вместе.

Родители наши не задружились. А вот мы были не разлей вода. В первом и втором классе нас дразнили женихом и невестой. Но Лёха всё равно чуть не каждый вечер приходил ко мне в гости. Поначалу я при нём стеснялась доставать любимых кукол. А потом поняла, что Лёхе плевать на то, что я девчонка. И на то, что играю в куклы. Однажды, когда я заболела, он мне нарисовал нечто, как умел. И принёс в утешение болящей. Я уродку приняла как родную, и мы даже нарисовали ей вместе пару нарядов.

Лёха уже тогда писал свои записки и умудрялся незаметно рассовывать по квартире. С содержанием не заморачивался. Просто в каждой записке была буква. И, собрав все бумажки, можно было прочесть, куда хитрый кукловод упибал шоколадную конфету или чупа-чупс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.